

УДК 167.74; 930.1

СЫРОВ В.Н., профессор, д. филос. н., ФсФ ТГУ, Томск
АГАФОНОВА Е.В., доцент, к. филос. н. ФсФ ТГУ, Томск

РАССУЖДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВИЯХ КОНСТРУКТИВИЗМА ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О РОЛИ ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Если отталкиваться от конструктивистской эпистемологии, то логично допустить, что мир всегда дан нам только в формах наших представлений с о нем. По сути, мир и есть обозначение совокупности наших представлений. Этот тезис видится правомерным не только по отношению к представлениям исследовательского сообщества, но и к представлениям любого индивида. Можно одни из них называть научными, а другие – мифологическими или религиозными. Сути дела это не меняет. В этом плане они остаются всего лишь представлениями. По крайней мере, с убеждением, что они так или иначе отражают что-то в т.н. объективной реальности, стоит распространиться окончательно, поскольку сам тезис об ее наличии с точки зрения конструктивистов следует считать эпистемологически малопродуктивным. Он ничего не прибавляет к критериям надежности нашего знания. Поэтому кажется более эвристичным принять конструктивистский подход за основу, так скажем, исторического априори и пытаться развивать наши эпистемологические, практические и аксиологические установки, отталкиваясь от него. Априори в том смысле, что нет надобности каждый раз доказывать эпистемологические преимущества конструктивизма, подобно тому, как исследователю, выявляющему особенности современного рабочего класса, нет нужды первоначально обосновывать факт его существования в современном обществе. Это, конечно, нужно делать, но в работах другого уровня.

Но в определенном аспекте тезис о том, что это всего лишь представления, стоит поставить под сомнение, поскольку он предполагает, что люди могут думать одно, но поступать совершенно иначе. Это, конечно, бесспорно. Но утверждением, что мир дан нам лишь в формах наших представлений о нем, мы хотим сказать, что речь идет именно о тех представлениях, что выступают явными или неявными основаниями или, по-старому, мотивами, побуждающими индивидов к тем или иным действиям. Это означает, что надо иначе посмотреть на тезис о расхождении между мнениями и практиками, когда действительно полагается, что индивид думает одно, но поступает иначе. Скорее следует считать, что в практиках, собственно говоря, и реализуется то, что индивид, так сказать, действительно думает. В этом плане именно в практиках мы можем обнаружить «подлинные», а, точнее сказать, имплицитные представления индивидов, побуждающие их к тем или иным видам действий.

Принятие этих положений за исходную основу дает основание сделать некоторые выводы. Далее приведены, конечно, далеко не все возможные выводы — скорее те, что показались нам более интересными или животрепещущими в описываемом контексте. Прежде всего, стоит повторить еще раз, что в свете конструктивистских установок следует распрощаться с идеей объективной

реальности как некоторого референта наших актуальных и потенциальных повествований, ну и, соответственно, с тем стилем мысли и порожденными им дискурсами, а именно, с неявным, но глубоко укоренившимся убеждением о наличии поверхности и глубины, явления и сущности, внешнего и внутреннего, где первый член этой оппозиции отсылает к субъективности, а второй наталкивает на поиск объективной основы наших представлений. Поэтому тезис о безглубинности, относимый зачастую к принципам постмодерна, подразумевает отнюдь не поощрение поверхностности описаний и нежелания смотреть в глубину. Он означает, что как увеличение количества теорий, так и предпочтение одних теорий другим не могут основываться на убеждении, что они лучше и глубже отражают реальность или вообще нечто отражают. Как правомерно отмечал Джанни Ваттимо по этому поводу, поскольку тезис: «"не существует фактов, но только интерпретации"» — ...сам является интерпретацией (он бы противоречил сам себе, если бы пытался предстать как объективное фактическое описание), то его единственный шанс ... оказаться разумным образом предпочтительнее других теорий, состоит в том, чтобы предстать в качестве "адекватного", диалогического ответа на некоторое обращение, чтобы явиться "синтонным" (в тон) ответом на событие или совокупность событий, которые связываются в сознании с развитием современного общества как общества коммуникации» [1. С. 90]. Мы можем опереться здесь на известный тезис Жака Дерриды о том, что «у "текста" больше нет предела, нет ничего "внешнего" ему» — правда, с продолжением, что «нельзя сводить текст к языку, к речевому акту в строгом смысле слова» [2. С. 155]. С этой точки зрения мы можем утверждать отсутствие в онтологическом плане (если такой язык правомерен в конструктивизме) разницы между мнениями масс и утверждениями профессионального сообщества. Говоря традиционным языком, все они одинаково субъективны, но отнюдь не равноправны. Разница и, видимо, достаточно существенная для современного индивида в контексте доминирования экспертной культуры, будет заключаться скорее в степени или вообще в наличии (демонстрации) аргументированности выдвигаемых суждений, что не исключает возможности игнорирования суждений экспертов индивидами, группами, элитами, лидерами. Данные тезисы с таким же успехом могут быть отнесены к идее объективных классовых или иных интересов. Не касаясь вопроса о правомерности использования идеи классов для анализа современного общества, отметим, что с позиций конструктивизма резоннее говорить о обусловленности и формировании действий индивидов и групп под влиянием лидеров мнений, идеологии, СМИ, экспертов или собственных представлений людей о том, что им делать и к чему стремиться. Понятно, что тогда следует распрощаться с выражениями типа «превращение из класса в себе в класс для себя», «предательство классовых интересов» и им подобными.

В качестве одного из радикальных следствий, вытекающих из данных положений, следует отметить изменение смысла и ценности категории риска. Как известно, ключевые идеи по этому поводу были сформулированы в нашумевшем труде Ульриха Бека «Общество риска», лейтмотивом которого являлась идея, что «мы являемся свидетелями — субъектом и объектом — разлома внутри модерна,

отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания — очертания (индустриального) "общества риска"» [3. С. 10]. Бек, судя по данной цитате, связывал возникновение общества риска с формированием нового типа обществ, а именно обществ постмодерна. Но в свете конструктивистских эпистемологических установок мы можем придать категории риска более фундаментальный характер. Риск или принципиальную неполноту предсказуемости последствий человеческих действий мы можем связать с природой человеческого бытия, которая прекрасно была выражена в философско-исторических размышлениях Гегеля: «...Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения» [4. С. 79-80]. В принципе и сам Гегель отдавал себе отчет в конечной непредсказуемости будущего. Философская, особенно позитивистская мысль придала этим рассуждениям телеологический, линейный и детерминистский характер, превратив их в концепцию прогресса. Преодоление этих убеждений возродило или актуализировало этот имплицитный аспект фундаментальности риска, лежащего в основе человеческого бытия. Нет нужды говорить о том, какую небывалую ответственность возлагает идея риска на принятие решений. Дело, конечно, не в том, что индивид становится ответственным за все. Речь скорее идет о публичной сфере деятельности, которую обычно принято связывать с формированием гражданина и которая предполагает его включенность и заинтересованность в общественно-значимых делах.

Конструктивистская установка предполагает соответственно изменение трактовки темы роли идей. Очевидно, конечно, что возникшие индустриальные общества (и пока следующие за ними) сконструированы в буквальном смысле, поскольку являются продуктом развития идей, с той или иной степенью оригинальности выдвинутых мыслителями Нового Времени и Просвещения. Будет, наверное, банальностью утверждать, что обусловленность действий теми или иными идеями вообще относится к природе человеческой активности. Столь же банальным будет тезис о том, что в выборе и принятии общественно-значимых решений индивиды, как правило, руководствуются идеями тех, кого традиционно принято было называть «личностями в истории». Та или иная степень оригинальности будет заключаться, видимо, в определении статуса таких идей.

Полагаем, что в выработке методологии решения этого вопроса стоит опереться на идеи того же Гегеля. Как справедливо указывал немецкий мыслитель, «такие лица, преследуя свои цели, не сознавали идеи вообще; но они являлись практическими и политическими деятелями. Но в то же время они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что своевременно... Их дело было знать ... необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию» [4. С. 82].

Представляется, что в интерпретации этой мысли главное в том, чтобы освободиться от остатков веры в существование некоторого объективного хода вещей. Понятно, что пресловутая своевременность определяется задним числом, поэтому сам Гегель скептически относился к утверждениям по поводу будущего. В более широком смысле, в силу отказа от линейных телеологических концепций истории и мирового процесса в целом, полагаем, что идея своевременности может носить только относительный характер. Что нам кажется своевременным с нашей позиции, может оказаться глубоко ошибочным завтра. В этом фундаментальный (онтологический, видимо) смысл идеи риска в принятии решений.

То же самое касается идеи радикальной новизны и оригинальности в выдвижении тех или иных идей. Ключевая идея историцизма или историзма, как отмечает Золтан Симон, заключается в утверждении, что «природа любой вещи лежит в ее истории» [5. Р. 1178]. Он указывает на некоторую тонкость, которая лежит в основе этого несомненного достижения европейской мысли, а именно — что она все-таки сохраняет остаток представлений о наличии такой сущности как «природа вещи», которая затем может быть развернута с течением времени. Радикальность же конструктивизма заключается в утверждении, что «не существует такого понятия, как "природа" вещей, есть только их история» [5. Р. 1178]. То же самое касается и самой природы идей, в частности, убеждения, что они выражают (отражают) так или иначе некий объективный интерес класса, группы и т.д., концептуально (вербально) оформляя то, что и так уже имплицитно в этом интересе содержится.

Суть конструктивистского подхода в том, что новизна именно возникает в процессе истории, хотя и не на пустом месте, естественно. Поэтому идеи вносятся в общественное сознание как предложения и убеждения в определении и принятии некоторых новых путей и форм жизни. Но тогда убеждение в их содержании и ценности не может строиться только на рациональной аргументации, поскольку новое в силу неполной предсказуемости будущего не может быть исчерпано списком рациональных аргументов. Вот почему Ваттимо делает вывод, что «если и существует какой-либо "позитивный", желаемый исход процесса дереализации, ведущий к эмансипации и освобождению, исход того процесса... не может быть ничем иным, кроме освобождения множественности интерпретаций и тотальной - в тенденции – эстетизацией нашего опыта мира» [1. С. 98]. Именно саму эту возможность примерить на себя привлекательный образ будущего, что требует развития способности воображения, можно назвать эстетическим (и видимо, решающим) аргументом в принятии решений по поводу будущего или того, что авторами правомерно обозначалось понятием «утопии».

Список литературы:

1. Ваттимо Дж. Прозрачное общество / пер. с ит. Дм. Новикова. М.: Издательство "Логос". 2002. 128 с.

2. Философия и литература Беседа с Жаком Деррида (Москва, февраль 1990 г.) // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия / пер. с фр. и англ. М. К. Рыклина. М.: РИК „Культура“, 1993. С. 151-197.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. / перевод с нем. В. Седелника. М.: Прогресс-Традиция. 2000. 384 с.
4. Гегель Г. В.Ф. Введение // Г.В.Ф. Гегель. Лекции по философии истории / пер. с нем. М. Водена. СПб.: Наука, 1993. С. 57-88.
5. Simon, Z.B. (2019) Historicism and constructionism: rival ideas of historical change. History of European Ideas. 45(8). P. 1171–1190.